

Галицкая Ольга Николаевна

магистрант

Научный руководитель

Фастова Марина Андреевна

канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный

социальный университет»

г. Москва

ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СМАРТ-КОНТРАКТОВ:

ПРИРОДА И КВАЛИФИКАЦИЯ

Аннотация: статья посвящена анализу правовой природы смарт-контрактов в контексте классического гражданского права. Исследуются доктринальные подходы к квалификации смарт-контракта как формы сделки, способа исполнения обязательств или особого правового феномена. Выявляются основные цивилистические противоречия: соотношение программного кода и волеизъявления сторон, проблема оферты и акцепта в автоматизированной среде, природа автоматического исполнения. Обосновывается вывод, что смарт-контракт не является самостоятельным видом договора, но может быть признан специальным способом фиксации и автоматического исполнения договорных условий, что требует корректировки доктрины воли и волеизъявления.

Ключевые слова: смарт-контракт, умный контракт, гражданское право, форма сделки, исполнение обязательств, юридическая квалификация, волеизъявление, блокчейн, автоматизация договора.

Цифровая трансформация имущественного оборота привела к появлению феномена, получившего в доктрине и правоприменительной практике наименование «смарт-контракт» (smart contract).

Несмотря на широкое использование этого термина в IT-среде и коммерции, цивилистическая наука до сих пор не выработала единого подхода к его правовой квалификации. *Возникают принципиальные вопросы. Является ли смарт-контракт договором в смысле ст. 420 ГК РФ (или аналогов в зарубежных правовых системах)? Особой формой сделки? Способом исполнения? Или же это уникальная конструкция, не укладывающаяся в традиционную договорную парадигму?*

Цель данной статьи – выявить и систематизировать цивилистические проблемы квалификации смарт-контрактов и предложить научно обоснованное решение.

Определение и техническая сущность смарт-контракта.

С технической точки зрения смарт-контракт (термин введён Н. Сабо в 1994 г.) представляет собой компьютерный протокол, основанный на технологии распределённого реестра (блокчейн), который автоматически исполняет заранее определённые условия при наступлении обусловленных обстоятельств.

Ключевая характеристика – «самоисполнимость»: после активации контракта вмешательство сторон или третьих лиц (включая суд) для непосредственного исполнения не требуется.

Однако гражданское право оперирует категориями субъективных прав и обязанностей, воли, волеизъявления, правомерности действий. Именно здесь возникает разрыв между техническим и юридическим пониманием.

Основные цивилистические подходы к квалификации.

В литературе сложилось несколько основных позиций относительно природы смарт-контракта.

1. Смарт-контракт как форма сделки (письменная или электронная).

Согласно ст. 160 ГК РФ, сделка в письменной форме может быть совершена с использованием электронных или иных технических средств, позволяющих достоверно установить содержание сделки и волю сторон. Сторонники этого подхода (Л.А. Новосёлова, А.А. Иванов) утверждают, что программный код смарт-контракта – это просто специфическая форма фиксации договорённостей.

Недостаток: форма не включает в себя автоматическое исполнение, тогда как смарт-контракт неотделим от исполнения.

2. Смарт-контракт как способ исполнения обязательств.

Согласно данной позиции (М.И. Брагинский, ван Берг), сам договор заключается традиционным способом, а смарт-контракт представляет лишь технический механизм автоматического списания денежных средств, передачи токенов или доступа к данным. Проблема: при таком подходе игнорируется, что во многих случаях условия о цене, предмете и сроке существуют только в коде, а отдельного «бумажного» договора нет.

3. Смарт-контракт как самостоятельный объект интеллектуальных прав.

Встречается реже. Код смарт-контракта может охраняться как программа для ЭВМ (ст. 1261 ГК РФ), но это никак не объясняет его обязательственно-правовую функцию. Смещение охраны программы и регулирования сделки методологически неверно.

4. Смарт-контракт как гибридная конструкция (lex informatica).

Радикальный подход (К. Верстрейт, Ф. Пасхейл): смарт-контракт образует собственную нормативную среду, не требующую признания со стороны государства. Код – это закон. Для цивилистики такой подход неприемлем, поскольку он отрицает возможность судебной защиты и принцип диспозитивности гражданского права.

Ключевые цивилистические проблемы.

Основные проблемы, которые возникают.

1. Проблема воли и волеизъявления.

Классическое учение о сделке предполагает, что волеизъявление является внешним выражением внутренней воли, которая может быть изменена до момента совершения сделки. В блокчейн-смарт-контракте после его публикации и получения акцепта (в виде отправки транзакции) техническая возможность одностороннего изменения воли отсутствует. Это порождает вопрос: не является ли смарт-контракт сделкой с полностью подавленной возможностью отказа, что противоречит принципу свободы договора?

Выход: следует признать, что смарт-контракт – это сделка с особым порядком выражения воли, где момент связанности наступает не при подписании, а при совершении технического акта (транзакции). Однако это требует законодательного урегулирования «периода охлаждения» для определённых типов смарт-контрактов.

2. Проблема оферты и акцепта.

Классическая модель (ст. 435–438 ГК РФ) предполагает, что акцепт должен быть полным и безоговорочным, а молчание не является акцептом. В среде смарт-контрактов молчаливый акцепт через отправку криптовалюты на адрес контракта признаётся системой. При этом «молчание» здесь технически является конклюдентным действием, что допустимо.

Сложнее с квалификацией момента акцепта: в публичном блокчейне транзакция может зависнуть. Большинство доктрин предлагает считать моментом акцепта включение транзакции в блок (подтверждение сетью).

3. Проблема недействительности и «ошибки кода».

Классические основания недействительности сделок (ст. 166–179 ГК РФ): заблуждение, обман, порок воли. В смарт-контракте ошибка в коде (баг) может привести к исполнению, не соответствующему истинной воле. Вопрос: является ли это заблуждением относительно природы сделки (ст. 178 ГК РФ)? Судебная практика (например, дело DAO в Швейцарии) показывает, что ошибка в коде приравнивается к ошибке в волеизъявлении, но только если контрагент знал или должен был знать об ошибке. Однако алгоритмическая невиновность создаёт риски.

Гражданско-правовая проблема: отсутствие механизма «реституции в натуре» в блокчейне – однажды исполненный смарт-контракт может быть необратим.

4. Проблема третьих лиц и судебного принуждения.

Классический договор предполагает возможность принудительного исполнения через суд. Смарт-контракт исполняется автоматически, минуя суд. Если автоматическое исполнение противоречит закону (например, незаконное списание), то встаёт вопрос: как привести стороны в первоначальное положение?

Правовая система может признать транзакцию недействительной, но технически откатить её невозможно.

Решение: использовать «гибридные смарт-контракты» с оракулами и механизмом приостановки, предусматривающим арбитраж. Однако это противоречит идее децентрализации.

Аргументированный авторский подход к квалификации.

Проанализировав существующие концепции, автор приходит к следующим выводам.

Смарт-контракт не является самостоятельным типом или видом договора, так как он не обладает самостоятельным предметным содержанием, отличным от известных договорных конструкций (купля-продажа, подряд, заём и т. д.). Он может фиксировать любое обязательство.

Смарт-контракт не является просто формой сделки, поскольку он не только фиксирует, но и исполняет условия автоматически. Форма сделки пассивна, а смарт-контракт активен.

Смарт-контракт не является способом исполнения в чистом виде, потому что консенсуальная модель договора (достижение соглашения) и его исполнение разделены во времени. В смарт-контракте соглашение и исполнение практически совпадают (так называемый реальный договор в цифровой среде).

Наиболее адекватной представляется следующая квалификация.

Смарт-контракт – это электронная форма договора, содержащая условие об автоматическом исполнении обязательств путём совершения строго определённых программных операций при наступлении заранее согласованных сторонами обстоятельств, причём момент заключения договора совпадает с моментом начала его исполнения (если иное не предусмотрено кодом).

С юридико-технической точки зрения смарт-контракт следует рассматривать как специальный договорный режим – разновидность сделки, совершаемой с использованием программного кода, где условие об автоматическом исполнении является существенным условием, а волеизъявление выражается в форме криптографически завершённых транзакций.

Для целей Гражданского кодекса необходимо дополнить главу о сделках положениями о «сделках, исполняемых автоматизированным способом» (программный код), установив:

- презумпцию того, что корректно работающий код выражает волю сторон;
- возможность оспаривания сделки по основаниям ошибки в коде;
- невозможность одностороннего отказа от исполнения, если кодом не предусмотрено иное.

Цивилистические проблемы смарт-контрактов являются следствием противоречия между линейной, основанной на человеческом факторе моделью традиционного договора и дискретной, детерминированной, машинно-исполняемой природой автоматизированных протоколов.

Квалификация смарт-контракта не должна сводиться к крайностям (отрицание правовой природы или признание «кода законом»). Наиболее перспективным является понимание смарт-контракта как автоматизированной электронной формы исполняемого договора, где воля объективируется в коде, а исполнение встроено в само определение условий.

Такая квалификация позволяет сохранить основные достижения договорного права (свобода договора, защита слабой стороны, недействительность) и одновременно адаптировать их к цифровой реальности. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку критериев «существенной ошибки в коде» и механизмов судебной реституции в децентрализованных системах.

Список литературы

1. Шушканов П.А. Смарт-контракты в российской правовой системе / П.А. Шушканов, Я.О. Ряховская // Право и управление. – 2022. – №10. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smart-kontrakty-v-rossiyskoy-pravovoy-sisteme> (дата обращения: 15.07.2026). DOI 10.24412/2224-9125-2022-10-99-105. EDN VKGJGO
2. Матвеева Е.Ю. Правовая природа смарт-контракта / Е.Ю. Матвеева // Имущественные отношения в РФ. – 2024. – №6(273). – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-smart-kontrakta-2> (дата обращения: 20.07.2026).

3. Werbach K. Contracts Ex Machina / K. Werbach, N. Cornell // Duke Law Journal. – 2017. – Vol. 67. – P. 313–382. – URL: <https://scholarship.law.duke.edu/dlj/vol67/iss2/2> (дата обращения: 15.07.2026).

4. Raskin M. The Law and Legality of Smart Contracts / M. Raskin // Georgetown Law Technology Review. – 2017. – Vol. 1. – P. 305.